

Любовь Латт

ЗЕЛИЙ СМЕХОВ ИЛЛЮСТРИРУЕТ КАТУЛЛА¹

Художник Зелий Смехов рассказывает: «В один прекрасный день ко мне пришла Рахель Торпусман и робко спросила, не соглашусь ли я иллюстрировать стихотворения Катуллы в ее переводах. Мне еще ни разу не приходилось делать рисунки к поэтическим произведениям. Прежде чем ответить, я прочитал переводы Рахели, и они мне понравились. Кроме того, стихи оказались достаточно конкретными, имеющими четкий сюжет, что облегчало мою задачу как иллюстратора: возникавшие в них образы легко принимали пластическую форму». И далее, в интервью, данном журналисту Хаиму Венгеру для «Еврейского камертона»², он пояснил: «Работа Рахели понравилась мне, прежде всего, <...> своей лёгкостью, ясностью и, одновременно, необычайным языковым разнообразием. Иногда это уличный жаргон, иногда – язык любовной лирики и скорбных раздумий, иной раз – философские обобщения или откровенная эротика. В этом разнообразии для меня, как художника, крылась определенная сложность и, одновременно, – особая привлекательность»³. Так Зелий Смехов стал иллюстратором книги Гая Валерия Катуллы «Тридцать три стихотворения». Добавим к этому, что с самого начала, по инициативе издателя, было решено конструировать книгу как целостный художественный ансамбль, все элементы которого взаимосвязаны и отвечают характеру литературного произведения.

Сборник открывается стихотворением «Мальчик-кравчий...» (№ 27), переведенным в свое время А.С. Пушкиным (кстати, – единственный его перевод из Катуллы). Изображая сцену веселого пира, художник отказался от нарративности – его герои свободно парят в пространстве. Дух молодости, пьянящего веселья упоения и неги передает динамичность композиции; музыкальный ритм мягких складок одежд, стремительность линий, направленных ввысь, созвучны мелодичным строчкам стихотворения. При этом все подчинено плоскости книжного листа. Легкость и виртуозность рисунка раскрывают и дополняют поэтический мир Катуллы зримыми пластическими образами, превращая художника-иллюстратора в соавтора поэта.

Выразительность иллюстраций усиливает фон, на котором прорисованы фигуры героев стихотворений. И здесь надо упомянуть о той находке, автором которой был издатель и оформитель книги Леонид Юниверг. Идея заключалась в применении «выворотки» – то есть превращения, с помощью компьютера, законченного линейного рисунка-позитива в негатив. При этом черные перовые линии становятся белыми, а фон – вместо светлого – темным. Кроме того, в рисунке смягчаются мелкие детали, отчего усиливается декоративный характер изображения. Для фона, после долгих поисков, выбрали темно-вишневый цвет или «цвет пьяной вишни», как его часто называют. Этот глубокий тон, каким-то чудесным образом сохраняя плоскость книжного листа, в то же время образует дополнительный эффект: ощущение единой среды, объединяющей фигуры, и, кроме того, вызывает ассоциацию с древней греко-римской вазовой живописью.

Иллюстрируя стихотворение «*Лист бумаги, скорей зови в Верону...*» (№ 35), художник изображает свободный полет в пространстве. В этом загадочном восемнадцатистрочном произведении, где намеков столько же, сколько строк, можно было бы отыскать для рисунка несколько разных сюжетов. Смехов же изобразил две фигуры летящих – юношу с развевающимися свитками папируса за спиной вместо крыльев и юную деву со стилем – воплощение высшего поэтического начала.

Тема творчества как самого яркого проявления духовности проходит лейтмотивом в иллюстрациях Зелия Смехова. Вот стихотворение-посвящение (№ 1):

Я дарю эту новенькую книжку,

¹ Гай Валерий Катулл (ок. 84 – ок. 54 г. до н. э.) – знаменитый римский поэт, современник Юлия Цезаря и Цицерона. На русский язык его переводили А. Пушкин, А. Фет, В. Брюсов, А. Пиотровский, С. Шервинский, В. Соснора, и др.

² «Еврейский камертон» – еженедельное приложение к тель-авивской газете русскоязычной газете «Новости недели».

³ Венгер Х. Новая жизнь античного классика // Еврейский камертон. 2001. 27 дек. С. 24 - 25. Высокая оценка иллюстрациям З. Смехова дана также в рецензии Рафаила Нудельмана «Живой Катулл» («Окна» - прилож. к газ. «Вести» - 2002. 17 янв. С. 29).

*Аккуратно начищенную пемзой,
Вам, Корнелий: ведь это вы считали,
Что безделки мои чего-то стоят...*

.....
*И пускай покровительница-дева
Даст и ей не одно прожить столетье!*

В этом признании Катулла образ вдохновения воплощен в фигуре летящей «покровительницы-девы», уносящей с собой поэта и его труд в вечность. (Скорее всего, подразумевается либо Муза, либо богиня мудрости Минерва, которую обычно называют девой.)

Сознательно нарушая принятую иконографию, художник изобразил Музу – «покровительницу-деву» – крылатой, благодаря чему рисунок приобрел большую легкость, нарядность и декоративную выразительность.

Изображение полета у Зелия Смехова ассоциируется не только с творческим порывом и вдохновением, но и с символом свободы:

О как пахнет весной и теплым ветром...
.....
В путь, Катулл! От фригийских гор и пастбищ...
.....*Как сладко*
Бьется сердце в предчувствии свободы,
Как по странствиям ноги стосковались! (№ 46)

И вот на темном фоне страницы появляется поколенное изображение летящего юноши с простертыми вперед руками, в развевающемся плаще, проносащегося над полями, лесами, горами, взмывающего к облакам, очерченным простой волнистой линией, – что это, как не пластически зримое выражение духа свободы, воспетого в стихотворении Катулла. Тонкое проникновение в поэтическую ткань рождает адекватные ей образы, помогая читателю ощутить дуновение свежего ветра, почувствовать аромат цветов.

* * *

Доминирующее место в сборнике, а следовательно и в иллюстрациях Смехова, занимает любовная лирика.

*Будем жить и любить, пока мы живы,
А упреки и осужденья старцев –
Что нам, Лесбия, чьи-то там упреки!
Солнце сядет, а завтра снова встанет;
Мы не солнце: как только свет погаснет,
Мы окажемся в царстве вечной ночи.
Дай мне тысячу сладких поцелуев... (№ 5)*

...Два пересекающихся профиля – мужской и женский; рассыпавшиеся, ниспадающие пышной волной волосы возлюбленной. Сюжет с подтекстом страстных объятий предполагает, скорее, горизонтальную композицию. Однако, во имя сохранения гармоничной структуры всего издания, художник отказался от такого решения и придумал спускающийся занавес, досказав, таким образом, намек Катулла: за занавесом огромный шар солнца, а с противоположной стороны – звезды. Эти намеки на дни и ночи страстной любви – вполне легитимная метафора в пластическом искусстве, вдохновленная стихотворением римского поэта.

Неожиданное графическое решение нашел художник и для весьма откровенных признаний молодого поэта, обращенных к предмету его любви:

*Испитила, любовь моя, восторг мой,
Разреши мне прийти к тебе сегодня –
Отдохнуть от полуденного зноя.*
.....
*Присмотри, чтобы дверь никто не запер,
И сама никуда не отлучайся,*

*Обещаю тебе, не пожалеешь,
Мы с тобой девять раз подряд сольемся... (№ 32)*

Соблазнительной показалась художнику мысль изобразить героя, открывающего дверь и входящего в помещение. Долгие поиски положения, при котором дверь не заслоняла бы фигуру человека, увенчались успехом, когда он сдвинул дверь вправо и поместил рядом с ней фигуру входящего юноши. Смехов, таким образом, решил очень сложную техническую задачу и создал оригинальный сюжет, остроумно откликнувшись на шутку молодого поэта.

Сделать 33 рисунка к произведениям разного характера и настроения далеко не просто, а ведь согласно замыслу рисунки должны предварять каждое стихотворение, образуя целостный ансамбль, гармонично сочетающийся с поэтическими образами стихотворения на противоположной стороне разворота, – нелегкая задача, с которой Смехов справился, обладая большим опытом и профессиональным мастерством.

Для каждого стихотворения Зелий Смехов нашел, нигде не повторяясь, нужные средства выражения. Так, восхищение, преклонение перед обожаемой возлюбленной художник выразил, применив разный масштаб фигур поэта и его любимой Лесбии, а также по-разному сделал штриховку: густую, объемную в фигуре поэта, и тонкую, лишь очерчивающую контур, в поколенном изображении Лесбии, возвышающейся над поэтом, – недоступной, прозрачной, неземной.

*Тот в моих глазах божеству подобен,
Тот – дерзну сказать – превосходит бога,
Кто сидит с тобой и спокойно смотрит,
Как ты смеешься;*

.....
*Стоит мне тебя, Лесбия, увидеть –
Разум теряю*

*И, ни жив ни мертв, чувствую, как пламя
Лижет мне гортань; ничего не слышу –
Так звенит в ушах; ничего не вижу –
Так бьется сердце. (№ 51)*

Прием разномасштабности, но совсем по-другому. Смехов применил и в рисунке к стихотворению «Лесбия, мой рассудок тобой окончательно сломлен...» (№ 75), где поколенное изображение Лесбии в коротком хитоне с венком в руках господствует на плоскости и подавляет своей величавостью фигуру удрученного поникшего поэта.

Проникновенные строки, повествующие о терзаниях поэта, покинутого возлюбленной, художник проиллюстрировал оригинальным рисунком, полным глубокого лиризма, созвучного поэтическому слову Катулла.

*Катулл, кончай терзаться на пустом месте.
Что кончено, то кончено – о чем думать?
Когда-то было светлым для тебя солнце –
Когда ты радостно бежал на зов девы,
Которую любил, как никого в мире... (№ 8)*

Сопоставление объемной, материальной фигуры сидящего на стуле поэта, скорбно склонившего голову, с легкими тонкими линиями контура воздушной девы, исчезающей вместе с солнечным диском, удачно раскрывает тему. Все изящно, поэтически изысканно. Неудивительно, что именно этот рисунок был выбран для обложки, причем в его первоначальной форме, а не в форме «выворотки», оставшейся внутри книги. Сравнение двух вариантов рисунка – в пользу последнего.

Необычайную смелость, равную творческому подвигу, проявил Смехов, создав художественный образ в самом драматическом, или, точнее, в самом трагическом стихотворении Катулла, состоящим всего из двух строчек:

Я ненавижу тебя. Я люблю тебя. Как так? Не знаю.

Знаю, что это так, – и худо мне, как на кресте. (№ 85)

Что может быть трагичнее распятого юноши-поэта, где сам крест – это прекрасная дева, распростертые руки которой играют роль перекладки креста, к нему пригвожден страдающий поэт, а над его головой – бесстрастное лицо холодной красавицы.

С силой выразительности, достойной искусства античного поэта, художник создает образы возвышенной любви – вечной, как сама жизнь, с ее неизменным чередованием счастья и страдания, радости и горя... Это то, что понятно и близко как человеку, жившему в первом веке до нашей эры, так и людям нашего времени.

Нельзя не отметить богатой фантазии Зелия Смехова, неожиданности композиционных решений в, казалось бы, самых трудных ситуациях. Так, в стихотворении, посвященном Цицерону, Катулл иронически обращается к великому оратору, сравнивая с ним себя. Слегка иронизируя над поэтом, художник изобразил Катулла и Цицерона пересекающимися линиями наплывающих друг на друга фигур, с головами, увенчанными одним венком на двоих. (*«Оречистейший из попомков Рема...»* № 49).

Еще большую находчивость Смехов проявил, делая иллюстрацию к двестишю, посвященному Юлию Цезарю.

*Цезарь, мне безразлично, черный вы или белый,
И уж совсем все равно – нравлюсь я вам или нет. (№ 93)*

Художник изобразил Катулла небрежно облокотившимся на монументальный бюст великого полководца, увенчанного лаврами. Сохраняя собственное достоинство, он стоит, не преклонив головы пред великим военачальником. Разномасштабность в прямом и переносном смысле и здесь сыграла свою роль и позволила выразить идею стихотворения.

Вслед за Катуллом, который может быть и трогательно нежным и внимательным, художник выражает сочувствие горю Кальва, друга поэта, оплакивающего смерть своей возлюбленной. (*«Если безмолвные тени слышат наши рыдания...»* № 96). Все скорбно, величаво. Подобен эпиграфии строгий рисунок. Отвергнув несколько эскизов, Смехов остановился на последнем, где Кальв изображен сидящим в глубоком раздумье на подножии надгробного памятника Квинтилии. Композиция замкнута. Фигуры – Кальв и «безмолвная тень девы» – не выходят за пределы плоскости страницы. Плавный ритм мягких складок одежд располагает к медитации, разсуждению о жизни и смерти.

И, наоборот, некоторые сцены, изображенные Смеховым, привлекают внимание чувством юмора, жизненной правдой, подчас пикантностью ситуаций и при этом по-смеховски соединяют образность с изысканным изяществом. Взять, к примеру, иллюстрацию к стихотворению *«Эй, красotka с неимоверным носом...»* (№ 43), где две соперницы, вступившие в диалог, схожи с танцовщицами с рисунка на античной вазе. В их позах угадываются ритмичные музыкальные движения, причем у одной эти движения – изысканные, изящные, полные легкости и грации, а у другой – приземленные, грубоватые, даже вульгарные... Последняя – героиня и другого стихотворения Катулла: *«Амеана, истасканная в стельку...»* (№ 41). В иллюстрации к нему ее образ раскрыт художником еще более обнажено – в прямом и переносном смысле.

Озорные, откровенно эротические стихи вдохновили Смехова на столь же прямолинейные рисунки, тогда как прозрачные намеки, иносказания поэта привели к более сложной ткани иллюстрации. Яркими примерами тому могут служить стихотворения *«О Лиций, вчера мы так чудесно //Развлекались...»* (№ 50). *Ворбышка, с которым так приятно //Щебетать...»* (№ 2), *«Лейте слезы, Венеры и Амуры...»* (№ 3), *«Ох и вставлю я вам...»* (№ 16).

Цель художника – донести до читателя, расшифровать, дополнить поэтический образ средствами пластики, искусства графики.

В работе художника сказывается незаурядная эрудиция, знание реалий греко-римского искусства во всех его проявлениях – в изображении одежд, причесок, деталей прикладного искусства, вазовой живописи и т. д., что вселяет ощущение подлинности изображаемого. В целом иллюстрации Смехова, погружая читателя в мир образов Древнего Рима, приближают его к поэтическому миру общечеловеческого значения.

* * *

Сборник стихотворений Катулла как произведение книжного искусства является продуктом коллективного труда переводчика, художника и дизайнера-издателя. Эту книгу держишь в руках как некую драгоценность. В ней нет ничего случайного, непродуманного, неряшливого. Все говорит о высокой культуре издания, начиная с замечательных переводов и комментариев,

великолепных иллюстраций и оригинальных концовок, лицевой и оборотной сторон обложки, вплоть до изящных виньеток на номерах стихов и страниц... В самом деле – решительно все способствует восприятию книги как законченного художественного целого: произведения книжного искусства!

Особо хочется подчеркнуть важную роль фигуративных концовок, завершающих стихотворные тексты на правой стороне разворота и чутко реагирующих, подобно хору из античных трагедий, на сюжетные коллизии в стихах Катулла.

Нельзя не сказать и еще об одном оформительском аспекте книги: на обороте ее обложки (а в библиофильском варианте издания – на форзаце переплета) воспроизведено античное написание заглавия книги, причем латинский текст имитирует древнеримские надписи, высеченные на камне. Это удалось сделать дизайнеру книги с помощью одной из компьютерных графических программ.

Небезынтересно отметить, что сборник вышел в трех издательских вариантах. Первый из них – в обложке, второй – библиофильский – заключен в суперобложку и переплет темно-вишневого цвета с четко выраженной фактурой и тиснением рисунка Зелия Смехова (на нем изображены Катулл и Лесбия в виде камеи, помещенной в раковину). Кроме того, в этом варианте сборника концовки каждым стихотворением раскрашены от руки художником.

Третий вариант отличается от второго тем, что к каждому из 33-х экземпляров прилагается один из 33-х оригиналов иллюстраций художника, воспроизведенных в сборнике.

А теперь обратимся к биографии художника. Сын известного московского графика Льва Смехова, он, по окончании детской художественной школы, закончил Московский художественный институт им. В.И. Сурикова, а затем продолжил образование в творческой мастерской Академии художеств (1964 - 1968) по классу графики – у знаменитого иллюстратора Е.А. Кибрика. Еще подростком Зелий участвовал в художественных выставках и работал на студии «Диафильм». С 1971 года он стал членом Союза художников, участником многих выставок в России, США и в других странах.

В 1991 году, спустя четыре месяца после репатриации, Смехов покориł любителей искусства серией графических листов под названием «Апокалипсис», созданной за год до того еще в России. В 1992 году состоялась первая персональная выставка художника в ИМКА, а через два года, там же, были экспонированы два его графических цикла: «Танцы в масках» и «Шуты и жонглеры».

В 2000 году в Иерусалимской муниципальной галерее, в рамках проекта «Конец тысячелетия. Разногласица», была представлена новая серия художника – шесть офортов на тему «Песни Песней» (1995 – 1999). Значительность образов, чистота линий, музыкальность и поэтичность изобразительного языка ставят эту работу в ряд лучших графических произведений Зелия Смехова. Эта серия была выполнена по заказу известного в мире израильского каллиграфа и библиофила Давида Мосса для художественного издания «Песни Песней» (Иерусалим; Нью-Йорк, 2000). Уникальность этого издания, отпечатанного всего в 130 пронумерованных экземплярах, состоит еще и в том, что в нем, на бумаге ручной выделки, воспроизведен библейский текст, написанный Моссом от руки, а также приложен новый английский перевод «Песни Песней». Оформление книги выполнено в старых традициях, когда иллюстрации конструктивно не связаны с текстом и существуют независимо от него. Наконец, стоит особо подчеркнуть, что это издание, как и ряд предыдущих книг Давида Мосса, включая его знаменитую «Пасхальную Агаду»⁴, отпечатано в одной из лучших типографий мира – в веронской типографии Мартино Мардерштейга⁵.

В те же годы (1996 - 1999), по заказу издательства "Pitsporany Press" (Нью-Йорк – Иерусалим), Смехов оформил пять книг «Библии для еврейских детей». Творчество Смехова не ограничивается иллюстрированием книг: он работает в станковой графике, в масле, темпере, пастели... С 1996 года Зелий Смехов много и плодотворно трудится для Института Храма в Иерусалиме. Он украсил интерьер музея при Институте картинами на темы библейской истории и еврейских праздников времен Первого и Второго Храмов, выполнил много станковых и иллюстративных работ по заказу этого института.

⁴ Подробнее об этом издании см.: Рацкевич И. «Пасхальная Агада» Давида Мосса // Иерусалимский библиофил... Вып. 1. С. 222 - 228.

⁵ См.: Там же. С. 225.

Рахель Торпусман не случайно пришла именно к Зелию Смехову с предложением иллюстрировать сборник стихов Катулла. Со многими работами художника она была знакома по иерусалимским выставкам или по их каталогам. Кроме того, со слов общих знакомых, Рахель знала, что Смехов сформировался под влиянием московской художественной среды 60 – 70-х гг. Главным же для нее, как и для нас, является тот факт, что во всех работах Мастера ощущается природный талант, помноженный на трудолюбие, эрудицию и безупречный вкус.

(Иерусалимский библиофил: Альманах. Вып. II. – Иерусалим: Изд-во «Филобиблон», 2003. С. 195 – 207)